

*ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС ФЕВРАЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
СОБЫТИЙ 1917 Г. СРЕДИ АДЫГОВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

З.Я. ЕМТЫЛЬ

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2.
электронная почта: adg1070@gmail.com*

В статье на широком фактическом материале исследуется влияние Февральской революции в России 1917 г. на рост политической активности адыгского населения Кубанской области. На основе анализа делается вывод о том, что февральские события дали мощный толчок активизации национального движения адыгов, главной целью которого являлось повышение политического, правового и социального статуса адыгов в системе российского государства.

Ключевые слова: адыги, национальная интеллигенция, национальное самоопределение, национальное самосознание.

Одним из наиболее значительных событий истории XX века, предопределивших сложные трансформационные процессы не только центре, но и национальных окраинах России, стали события Февральской буржуазно-демократической революции. Они послужили для адыгского населения Кубанской области мощным импульсом к осмыслению происходивших событий и поиску путей дальнейшего общественно-политического развития. Однако тема политического резонанса февральских событий среди горских народов Северного Кавказа так и не стала предметом специального исследования, хотя и способна значительно расширить не границы видения прошлого и настоящего северокавказских народов в целом и адыгов в частности.

Не смотря на то, что влияния событий февраля 1917 г. на адыгское население Кубанской области не стало предметом специального исследовательского внимания, она с разной степенью полноты нашла отражение в исследованиях по истории революционного движения и Гражданской войны на Северном Кавказе. При этом стоит отметить, что характерной особенностью советской историографии было существование большого числа идеологических штампов.

Новые возможности в разработке проблемы открылись в связи с появлением ряда работ, основанных на современных исследовательских подходах [1,2]. Они позволяют шире взглянуть на проблему, дать ей более комплексное и объективное освещение. К сожалению, и в зарубежной и в отечественной исторической науке не так много специальных работ, в которых бы исследовалась данная проблема как сложный и многомерный объект [3].

Специфические условия существования адыгов определили тот факт, что центральной вопросом общественной жизни, всплывшим на поверхность в результате Февральской революции стал национальный вопрос. В новых политических обстоятельствах адыги ощутили не только возможность создания условий для сохранения своей национальной культурной самобытности, но и его самоопределения. Буржуазные свободы, под знаменем которых произошла революция в России, порождали надежды, связанные с организацией национальной жизни. Характеризуя политическую ситуацию на национальных окраинах бывшей Российской империи, являвшуюся следствием Февральской революции, И.В. Сталин справедливо отмечал общую тенденцию: «Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» – таков был лозунг движения... Во главе движения шла национальная буржуазно – демократическая интеллигенция»[4, с. 156].

Содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгов в революционных условиях определялись во многом внешними факторами. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил адыги пытались заручиться поддержкой тех, которые в наибольшей степени, по их мнению, были способны содействовать оформлению их суверенитета. О политических настроениях адыгов красноречиво свидетельствует признание известного мусульманского просветителя Н.Цагова о том, что в эти годы он отдавал себя исключительно

«на службу узконациональному вопросу и был большим националистом»[5, с.185].

Политическая ситуация в стране диктовала ориентацию на прагматичное поведение. Основная часть адыгской аристократии и интеллигенции выступила с поддержкой буржуазно-демократических преобразований в стране. Среди них были Б. Шарданов, А. Намитоков, М. Гатагогу. Они были убеждены в том, что самоуправление и автономию адыги могут получить путем сотрудничества с Временным правительством[6, с.8].

В результате была развернута активная деятельность по «вхождению» адыгов в новые органы власти. 8 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось собрание горцев Кубанской области, которое выразило признание новой власти и готовность сотрудничества с нею. На собрании были обсуждены вопросы, связанные с оказанием поддержки новой власти и укреплением ее позиций на местах[6, с.8].

Острота «политического момента» в свою очередь приводили к стремлению со стороны Временного правительства объединить все политические силы Северного Кавказа, что требовало поиска компромиссов с национальной элитой горских народов. Комиссар Временного правительства на Кубани К. Бардиж сформировал Кубанский областной исполнительный комитет, ставший органом временного правительства на Кубани. В его состав, наряду с казаками и иногородними, вошли адыги П. Коцев и П. Султанов[6, с.6].

За всю историю существования в рамках российского государства адыги впервые получили возможность непосредственного участия в составе региональных органов власти и получили возможность влиять на политику местных властей. Это вызвало воодушевление у адыгской интеллигенции, вселяя оптимизм по поводу возможности положительного решения вопроса об организации самоуправления.

3 апреля 1917 г. по инициативе горской интеллигенции в станице Баталпашинской был созван съезд уполномоченных местных пунктов мусульманского населения. Съезд признал Временное правительство как

высший орган государственной власти в России и «для упорядочения гражданской правовой жизни горцев» постановил образовать гражданские комитеты на местах (в то время опору Кубанско-буржуазного правительства) и избрал в Кубанский временный Исполнительный Комитет двух представителей от адыгов [7, с.43].

Почувствовав некоторую политическую свободу, адыги принялись за осуществление одной из своих давних целей, заключавшейся в поднятии политической значимости своего народа. На состоявшемся в конце марта начале апреля 1917 г. в городе Новороссийске Съезде горской интеллигенции края было принято решение о необходимости издания газеты «Горская жизнь», которая должна была вести работу по разъяснению горцам их прав, стать «трибуной, с которой могло бы раздаваться слово, имеющие какое либо отношение к горской жизни» [2, с.96]. Одной из целей газеты была признана необходимость ознакомления широких кругов русского общества с жизнью своего народа. Таким путем предполагалось сформировать «правильное отношение» к адыгам со стороны других этнических групп [2, с.96].

Рост политической активности адыгов вызывал серьезное недовольство властей. Начальник Кубанского жандармского управления с опасением уведомлял канцелярию наместника Кавказа, что среди адыгов наблюдается заметное усиление агитации в связи с ожидаемым самоуправлением [8]. Осознавая настороженность казачьих верхов по поводу стремления к национальному самоопределению, адыгская интеллигенция на первых порах всячески пыталась завуалировать свои политические цели. В этой связи на состоявшемся в Екатеринодаре собрании горцев Кубани было заявлено об отсутствии со стороны горцев стремления «к какому-либо особому краевому выделению или автономии» [8].

Обострившиеся к лету 1917 г. политические противоречия между Советами и органами Временного правительства неизбежно приводили к нарастанию в центре анархии, что не могло не приводить к радикализации общественных настроений. Стремясь оградить Северный Кавказ от влияния

большевиков и нарастания революционного движения, политически ангажированная часть адыгской интеллигенции пошла на сближение с лидерами казачества [8]. Ею была развернута широкая агитационная работа в поддержку Кубанского Войскового правительства. Следует заметить, что инициатива в сближении с горцами принадлежала казакам, которые стремились создать на Кубани твердую базу для борьбы с радикальными партиями и в первую очередь с большевиками.

С апреля 1917 г. наблюдался «приток» в аулы «агитаторов», проживавших ранее в городе, занимавшихся «обработкой» аульской интеллигенции в духе, «угодном» Кубанскому Войсковому Правительству и выступавших за союз с казачеством, стремясь тем самым вовлечь адыгов в гражданскую борьбу [7, с.45]. Но меры по упорядочиванию и координации агитационно-пропагандистской работы и созданию квалифицированных агитационно-пропагандистских кадров, которые были жизненно необходимы, они не предпринимали [9, с.37].

Если попытаться уйти от идеологических штампов, сложившихся в советской историографии, то следует признать, что главной причиной сближения политически активной части адыгов с казачеством была не близость «классовых интересов», а стремление в условиях нараставшего в стране политического хаоса, слабости центральной власти найти в казачестве реальную политическую силу, союз с которой позволил бы достигнуть собственных политических целей.

С 10 по 17 августа 1917 г. адыги Кубанской области организовали съезд горцев в ауле Хакуринохабль. Повестка дня съезда включала наиболее значимые для общества вопросы: о текущем моменте, о судебной реформе у горцев, о местном самоуправлении, о духовном управлении, об отношении горцев Кубанской области к абхазскому народу, о турецко-подданных горцах Кубанской области, о горцах – переселенцах в Турцию, о народном образовании и аграрный вопрос. [10, л.240]

Исходя из содержания рассматриваемого в рамках данного раздела работы вопроса, представляется целесообразным более подробно остановиться на некоторых вопросах, обсужденных на съезде. Заслушав доклад С. Шахим Гирея о национально-политических задачах горцев, съезд признал необходимой формой правления демократическую республику на территориально-федеративных началах областной автономии [10, л.240].

Учитывая объективно существовавшую сложность определения административно-территориальных границ на Северном Кавказе, особого внимания заслуживает предложенный участниками съезда способ выделения автономии горцев. В соответствии с ним, при введении автономии областей на Северном Кавказе предлагалось изменить существующее административно-территориальное деление на области и отделы в соответствии с экономическим тяготением и национальными особенностями населения.

Горские племена Кубанской области в виду разбросанности их по отделам и невозможности сгруппировать на единой территории предлагалось выделить в особые округа с главным управлением в Екатеринодаре. Аулы же, расположенные в округах с русским населением при введении местного самоуправления должны были пользоваться правом представительства.

Принимая во внимание абсолютное преобладание на Кубани русского населения, делегаты съезда отметили необходимость при выборах в разные учреждения по управлению областью соблюдать «принцип гарантии от меньшинства» [10, л.240]. Национальная автономия горцев Кубанской области и Черноморья должна была реализовываться через избранные на съезде Горский Областной Кубанский Комитет и Горский Областной Кубанский Совет [10, л.240], следующие задачи: «1. Поддержание всеми мерами завоеваний революции и борьба с контрреволюцией; 2. Последовательное и планомерное проведение в жизнь начал, завоеванных революцией, и подготовка горского населения к выборам в Учредительное Собрание; 3. Охрана порядка и спокойствия в аулах; 4. Проведение в жизнь культурно-

просветительских задач; 5. Возможно широкое ознакомление горского населения с текущим моментом путем воззваний, лекций и т.п.» [10, л.239].

Анализ содержания предложенного проекта национального самоопределения через государственную автономию в рамках Российской Федеративной республики позволяет говорить о том, что он исходил из конкретных реалий жизни народа и открывал возможности для его национально-демократического развития.

Одним из важнейших политических вопросов, обсужденных на съезде, был вопрос об объединении горцев с казаками в союз «с целью отстаивания своих интересов в смысле неприкосновенности, земли и политических идеалов, в будущем Учредительном Собрании» [7, с.45]. Следует отметить, что в среде адыгов не было единства мнений по данному вопросу. Основная часть высказывалась за союз с казачеством, видя в нем наиболее влиятельную политическую силу, без содействия которой в условиях политического хаоса и ослабления центральной власти решение вопроса о повышении правового статуса адыгского народа не представлялось возможным [2, с.161].

Однако помимо этой преобладавшей среди адыгов точки зрения существовала и другая, обусловленная пониманием того, что между казаками и иногородними назревают серьезные противоречия, которые могут перейти в схватку с оружием в руках. Причиной тому было стремление казачьих верхов сохранить свои привилегии и главенство в Кубанской области. У горцев же не было причин ссориться с иногородними, они не претендовали на горские «гнилые клочки земли». Более того, осознавалось, что если «горцы пойдут на союз с казаками, то это для них кончится бедой» [11, с.20].

Особенно активно данную точку зрения отстаивал Айдамир Намитоков. Он отмечал, что горцы Кубани и Черноморья живут «разбросанными» среди казачьих и иногородних поселений, что создает невыгодное положение при «возникновении каких-либо серьезных событий» [11, с.20]. Как показала история, данная точка зрения оказалась пророческой для адыгского народа.

Примечательно, что сторонников объединения горцев с иногородним населением на съезде не нашлось [10, л.239].

Революционные события в России побудили адыгов поставить вопрос об исправлении исторической несправедливости, совершенной в их отношении в годы Кавказской войны. Принимая во внимание, что часть горского населения переселилась в Турцию после покорения Кавказа из религиозных и политических побуждений, съезд постановил: считать всех переселившихся в Турцию горцев «политическими эмигрантами и просить Временное правительство дать им возможность после окончания войны вернуться на Родину на правах граждан Российского государства» [10, л.241].

Актуальность и смелость предложенного на съезде способа решения вопроса о горцах-переселенцах в Турции позволяет современным историкам расценивать решения, принятые на съезде, как «вершину» работы съезда [1, с.110]. В целом уровень организации, характер выносимых на обсуждение вопросов и результаты работы Хакуринохабльского съезда позволяют говорить о способности политически активной части адыгов ставить и решать наиболее важные вопросы общественной жизни.

Исследование проблемы политического резонанса, вызванного февральской революцией у адыгов Кубанской области позволяет сделать вывод о том, что данные события дали мощный толчок активизации национального движения адыгов. Главной целью этого движения являлось повышение политического, правового и социального статуса адыгов в системе российского государства. Говоря о выборе адыгами политических ориентиров, следует иметь в виду, что они существовала не в замкнутом пространстве. Поэтому вполне понятно, что на содержание и направленность их общественно-политической деятельности оказывали влияние не столько внутренние, сколько внешние факторы. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил они пытались ориентироваться на те, которые в наибольшей степени были способны содействовать решению национальных проблем адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошев М.А. Люди, события факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век.). - Майкоп: Качество, 1999. – 195 с.
2. Машитлев Р.М. Адыги Северо-Западного Кавказа в революционных событиях и гражданской войне (1917-1920). Дисс... канд. истор. наук. – Армавир, 2005. – 225с.
3. Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. Национальная адыгская интеллигенция и агитационно-пропагандистская деятельность органов советской власти на территории Кубано-Черноморской области в 20-е гг. XX в. (К проблеме инкорпорации в российское социокультурное пространство) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – №100. – С.974-987.
4. Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 4. – С. 155-167.
5. Хакуашева М.А. Новые сведения к биографии Нури Цагова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – Вып. 10. – Нальчик, 2003. – С. 180-187.
6. Очерки истории Адыгеи. – Т. 2. Советский период. – Майкоп: Адыг. отд-ние краснодар. кн. изд-ва, 1981.– 368с.
7. Раенко-Туранский Я.Н. Адыгея до и после Октября. – Краснодар, 1927. – 168 с.
8. Информационные сводки // Кубанские областные ведомости. – 1917. - 14 марта 1917.
9. Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2007.
10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 11.

11. Намитокова Р.А. Намитоковы: память рода. – Майкоп: Качество, 2004. – 193с.

REFERENCES

1. Koshev M.A. Lyudi, sobyitiya fakty istorii narodov Severnogo Kavkaza v ocherkakh, illyustratsiyakh i dokumentakh (konets KhIKh – KhKh vek.). - Maykop: Kachestvo, 1999. – 195 s.

2. Mashitlev R.M. Adygi Severo-Zapadnogo Kavkaza v revolyutsionnykh sobyitiyakh i grazhdanskoj vojne (1917-1920). Diss... kand. istor. nauk. – Armavir, 2005. – 225s.

3. Bochkareva A.S., Khotina Yu.V. Natsionalnaya adygsкая intelligentsiya i agitatsionno-propagandistskaya deyatel'nost organov sovetskoy vlasti na territorii Kubano-Chernomorskoy oblasti v 20-e gg. KhKh v. (K probleme inkorporatsii v rossiyskoe sotsiokulturnoe prostranstvo) // Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2014. – №100. – S.974-987.

4. Stalin I.V. Oktyabrskiy perevorot i natsionalnyy vopros // Stalin I.V. Sochineniya. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. – T. 4. – S. 155-167.

5. Khakuasheva M.A. Novye svedeniya k biografii Nuri Tsagova // Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. – Vyp. 10. – Nalchik, 2003. – S. 180-187.

6. Ocherki istorii Adygei. – T. 2. Sovetskiy period. – Maykop: Adyg. otd-nie krasnodar. kn. izd-va, 1981.– 368s.

7. Raenko-Turanskiy Ya.N. Adygeya do i posle Oktyabrya. – Krasnodar, 1927. – 168 s.

8. Informatsionnye svodki // Kubanskiye oblastnyye vedomosti. – 1917. - 14 marta 1917.

9. Bochkareva A.S. Politicheskaya propaganda i agitatsiya partiyno-sovetskikh organov vlasti na Kubani v 20-egg. KhKh v. Dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.02. – Krasnodar, 2007.

10. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 799. Op. 1. D. 11.

11. Namitokova R.A. Namitokovy: pamyat roda. – Maykop: Kachestvo, 2004. -193s.

*THE POLITICAL RESPONSE OF THE 1917 FEBRUARY REVOLUTIONARY
EVENTS AMONG THE KUBAN TERRITORY*

Z.YA. EMTYL

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072;
e-mail: adg1070@gmail.com*

In this article the influence of the 1917 February Revolution on the growth of the political activity of the Adigian population of the Kuban territory is investigated on the real material. It is concluded that the February events gave a powerful impulse to the active national movement of Adigians, the main aim of which was the increasing of the political legal and social status of the Adigians in the system of the Russian state.

Key words: adigians, national intelligentsia, national self-determination, national self-consciousness.